

УДК 177

Сальников Е. В.,
доктор философских наук, доцент, начальник кафедры
социально-гуманитарных дисциплин Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

Сальникова И. Н.,
старший преподаватель кафедры сервиса,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Посткроссинг как пример практик дарообмена в современном обществе

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-149-162

Предметом данного исследования являются практики дарообмена в современном обществе. Отталкиваясь от фундаментальных построений теории дара, сформулированных в работах М Мосса, М. Годелье и ряда других, авторы ставят своей целью проанализировать практики дарообмена в современном обществе. В качестве эмпирической базы авторы обращаются к рассмотрению посткроссинга – довольно популярного проекта обмена открытками.

В ходе исследования нам удалось доказать, что посткроссинг является собой пример специфичной практики дарообмена в современном обществе. Его участники сохраняют свое социальное пространство путем дарения, принятия подарка и взаимного одаривания. Сообщество существует не в целевой логике приобретения вещи в собственность, а в логике абсолютной ценности самого обмена. Значимость обмена многократно превышает значимость того, чем обмениваются. Более того, зачастую стоимость дара повышается путем наложения трудовых усилий по оформлению и украшению даруемого, предоставления доступа к личной информации, дарения сведений, рекомендаций, предпочтений и так далее.

Обоснование посткроссинга как практики дарообмена имеет далеко идущие последствия. В условиях тотальности капиталистического способа производства мы видим появление и рост популярности практик, основанных на дарообмене (торрент, посткроссинг и др.). В рамках обсуждения принципов построения справедливого человеческого общества расширение объема дарообмена как социального основания, прямо противостоящего логике и этике капиталистического общества, приобретает значительную актуальность.

Ключевые слова: *посткроссинг, открытка, дарообмен, антропология дара.*

Salnikov E. W.,

Chief of chair of social- humanitarian disciplines at the Orel Law Institute of the Ministerium of Interior, doctor of sciences (philosophy), associate professor Orel Law Institute of the Ministerium of Interior, Russia

Salnikova I. N.,

*Lector of the Department of service,
Orel State University named after I.S. Turgenev*

Postcrossing as an example of gift exchange practices in modern society

The subject of this research is the practice of gift exchange in modern society. Based on the fundamental constructions of the gift theory formulated in the works of M. Moss, M. Godelier and a number of others, the authors aim to analyze the practice of gift exchange in modern society. As an empirical basis, the authors turn to postcrossing, a fairly popular postcard exchange project. The analysis shows that even in the absence of any external instrumental project, postcrossing participants maintain their social unity by implementing the logic of gift exchange, that is, by giving, accepting gifts and giving each other. The community does not exist in the targeted logic of acquiring property, but in the logic of the absolute value of the exchange itself. The importance of the exchange greatly exceeds the importance of what is exchanged. Moreover, the cost of a gift is often increased by imposing labor efforts on the design and decoration of the gift, providing access to personal information, giving information, recommendations, preferences, and so on. The substantiation of postcrossing as a gift exchange practice has far-reaching consequences. In the context of the totality of the capitalist mode of production, we see the emergence and growing popularity of practices based on gift exchange (torrent, postcrossing, etc.). As part of the discussion of the foundations of the new world order, the principles of building a just human society, the expansion of the volume of gift exchange as a social foundation directly opposed to the logic and ethics of capitalist society, acquire significant relevance.

Keywords: *postcrossing, postcard, gift exchange, anthropology of gift.*

Введение

Изучение практик дарообмена и самого дара является одной из наиболее значимых тем антропологических исследований XX века как ориентированных на этнографические полевые проекты, так и в антропологии философской, где дар выступает центральным концептом для фундаментальных онтологических и социально-философских построений. При этом понимание дара, сущности и значения дарообмена разнится у широкого ряда мыслителей. По образному замечанию К.В. Прокументика, дар трактовался то «как «дар Аполлона» – рационалистический и гуманистический образец социальной жизни (Мосс, Салинс, Гodelь); то как «дар Диониса» – хтонический и мрачный принцип траты, истребления и власти (Батай, Бодрийяр); то, наконец, как «дар Агапэ» –

чистый и нежный исток взаимного признания (Рикёр, Энафф)» [Прозументик, 2018:58]. В первой четверти XXI века интерес к проблематике дара не снизился, о чём может свидетельствовать реализация целого ряда проектов, как в зарубежной [The Logic, 1997; God, 1999; The Question, 2002], так и в отечественной антропологии [Уракова, 2013], ориентированных на представление многообразия взглядов исследователей на рассматриваемую проблему.

В целом современные исследования дарообмена концентрируются вокруг двух основных вопросов. Первый можно сформулировать как вопрос о том, что собой представляет дарообмен в традиционных, догосударственных обществах, какова специфика его протекания, каковы позиции дарителя, одариваемого, и что определяет сам процесс дарообмена. Эта традиция берет своё начало от описания Б. Малиновским «кулы» – сложной системы обменов дарами жителей Тробрианских островов [Малиновский, 2004] и этнографических работ Ф. Боаса [Боас, 2023], описывающих «потлач» – систему обменов дарами, практикуемую североамериканскими индейцами. После того как М. Мосс [Мосс, 2011] предпринимает успешную попытку вскрыть лежащую за этими отдельными примерами фундаментальную основу общественной жизни, заключающуюся в дарении, исследования частных традиций дарообменов становятся одной из распространённых тем полевых исследований значительного количества антропологов. Такого рода полевые исследования не потеряли своё значение вплоть до наших дней и сильно расширились, покинув пределы изучения «аборигенных» сообществ и распространившись на практики социальных групп, в рамках которых как дарообмен рассматриваются, например, обычаи «обмывания машин», свадебные традиции и так далее.

Вторым центральным вопросом, привлекающим внимание исследователей, является вопрос о дарообмене и даре в современных типах общества, но прежде всего вопрос о том, «можем ли мы считать дар альтернативой экономическим отношениям или же акт дарения по умолчанию подчиняется экономической логике» [Уракова, 2013: 177]? Значение такой постановки вопроса определялось его постановкой в плоскости анализа того, как, почему, действительно ли, в какой мере и с какими последствиями в современных обществах обмен дарами постепенно уступает место обмену товарами и рыночным отношениям. В этом смысле следует подчеркнуть, что рассуждения о даре есть дискуссия о тотальном основании социальности. Как верно подмечает в своём критическом замечании М. Годелье, «Мосс сумел создать иллюзию того, что обмен составляет всю социальную жизнь. Он открыл дорогу Леви-Строссу, который еще более упростил все в своей знаменитой формуле, где он сводит общество к тройному обмену: женщинами, имуществом и словами» [Годелье, 2007: 87]. При всем различии взглядов Годелье и Мосса на собственно дарообмен, фундаментальность природы обменов для конструирования социального организма не ставилась ими под вопрос. Как, впрочем, и всеми остальными мыслителями, обращавшимися к этой теме от Ж. Бодрийяра [Бодрийяр, 2000] до Ж. Деррида [О Даре, 2001].

В рамках рассматриваемого аспекта изучения дарообмена неизбежным становится крайне значимый сегодня вопрос о соотношении капиталистического способа производства и дарообмена в современном обществе. Со всей полнотой формулирует эту проблему М. Годелье, который чётко противопоставляет капиталистический способ производства с практикуемыми в нем экономическими сделками и дарообмен. Исследователь утверждает, что после крушения проектов построения коммунистических обществ капиталистическое производство делает доминирующим экономический обмен с его «идеальным» денежным эквивалентом всего. В результате возникает вопрос, «какое место в этой форме общества, которая воображает, что будет длиться вечно, занимают обмены» [Годелье, 2007: 250]?

По мнению М. Годелье, современное капиталистическое сообщество есть тотальность продажи, где всё имеет свой обезличенный и отчуждённый денежный эквивалент: средства потребления, средства производства (в том числе земля), средства разрушения, средства коммуникации, физическая и/или интеллектуальная рабочая сила индивидов, навыки их тела. В этой капиталистической картине реальности дарообмен занимает маргинальную позицию. Он изгнан на периферию социальности. Дар «функционирует в воображаемом как последнее прибежище солидарности, щедрости в стремлении поделиться, которые характеризовали другие эпохи эволюции человечества. Дар становится носителем утопии (утопии, которая может проецироваться как на прошлое, так и на будущее)» [Годелье, 2007: 349-350].

Годелье признаёт, что «в нашей культуре дар продолжает являться частью этики и логики, которые не являются этикой и логикой рынка и выгоды и которые даже противостоят им, сопротивляются им» [Годелье, 2007: 253]. Однако границы и объем практик дарообмена в современном обществе Годелье не определяет и контекстуально выражается о них весьма пессимистично. Философ подчёркивает, что в собственном смысле капиталистическое общество существует в условиях постоянного дефицита солидарности, когда любое новое единство становится исключительно результатом сделки и существует в форме сделки. Однако, полагает Годелье, вся совокупность социальных практик, очевидно, не может быть сведена к капиталистической сделке и денежному эквиваленту. В качестве примера он приводит рождение ребенка, которое в его время не могло быть представимо как результат контракта – положение, разрушенное в наши дни практиками суррогатного материнства.

Годелье настаивает на наличии границ социальной коммерции. Он подчёркивает, что в капиталистическом обществе большая часть социальных отношений является безличной. Обмены осуществляются путем сделок, стоимость имущества и услуг выражается в универсальных деньгах, долги погашаются и купленные вещи остаются в руках потребителей, становясь собственностью, вырванной из практик обмена. Обмен замещается накопительством, дар – собственностью. Но вместе с тем Годелье категорично признаёт, что «такой мир обязательно должен представить другие формы ...

социальных отношений», чем те, на которых существует капиталистическое общество» [Годелье, 2007: 133].

Методология исследования

Последнее положение Годелье представляет собой максимум, выполненную в модальности долженствования, но не в экспериментальной эмпирике научности. Превращение этого положения в методологическую основу предполагает проведение такого исследования, которое могло бы доказать факты или факты наличия социальных отношений, которые были бы не сводимы к экономическим сделками и являли собой практики дарообмена. При этом таковые практики следует обнаруживать не в традиционных, «примитивных» сообществах, а в социальных системах капиталистического сообщества.

Сам Годелье говорит о дарении как маргинальной практике межличностных обменов, находящейся на дальней периферии социальности современного общества. Данное положение выглядит в определённой мере проблемным и не вполне обоснованным. Представляется, что в современном обществе практики дарообмена претерпевают трансформацию и именно потому только анализ специфики дарообмена позволит ответить на вопрос о том, являются ли подобные практики маргинальными рудиментами, которым грозит отмирание в ближайшей временной перспективе, или же практики дарообмена представляют собой самостоятельное течение, удельный вес которого имеет тенденцию к увеличению и замещению собой капиталистических практик. Отдавая отчёт в том, что рамки статьи делают невозможными полноценное и всестороннее рассмотрение данной темы, мы склонны конкретизировать цель проводимого нами исследования, связав демонстрацию специфики дарообмена в современном обществе с определённой практикой его осуществления.

Попытки подобного анализа ранее уже предпринимались. Так, обращает на себя внимание исследование С. Б. Михайленко [Михайленко, 2013], который достаточно убедительно предлагает трактовать практику торрент-раздачи как дарообмен, противостоящий экономически ориентированным социальным практикам предоставления информационных ресурсов за плату. Онлайн кинотеатры, глобальные информационные системы (Яндекс, Google, Apple и прочие), социальные сети предоставляют информационные ресурсы в собственность за деньги – оплачиваемую подписку, просматриваемую рекламу и тому подобное. В любом случае получаемый продукт – фильм, игра, музыка – передаётся потребителям как особая собственность, но никогда как дар.

В отличие от этого система файлового обмена торрент (torrent) имеет совершенно другую природу, ибо она основана на бескорыстном и свободном предоставлении информации пользователями друг другу без наличия какого-либо центрального сервера и без фиксации превращения обмениваемого продукта в чью-то собственность. С. Б. Михайленко трактует практики торрент-обмена как практику дара, поскольку «каждый участник файлового обмена является одновременно и дарящим (поскольку он позволяет другим “качать” с него, “раздаёт”), и получателем дара (поскольку он в свою очередь “качает” с других пользователей)» [Михайленко, 2013: 72].

Исследователь подчеркивает, что торрент-обмены имеют важнейшие черты дара дарить, быть одариваемым и дарить в ответ. «Стандарты «сетевого» этикета предписывают иметь ratio около 1, т. е. пользователь должен стремиться отдать другим как минимум столько же, сколько он взял сам (особым уважением пользуются обладатели самых больших показателей ratio). Таким образом, идеальный пользователь сети torrent подобен индейцу в обряде потлача: он готов ответить на любой дар своим даром, во много раз превосходящим» [Михайленко, 2013: 72-73].

Сходной позиции по вопросу роста практик дарообмена, противостоящих капиталистическим практикам сделки, придерживается и Д. Тетт. В своей работе она обращает внимание на то, что «цифровые инновации сделали бартер настолько удобным и простым, что потребители считают такой обмен более эффективным, чем обмен с помощью денег <...> они пристрастились к кастомизации. Бартер в экономике Амазонки более эффективен, чем в джунглях Амазонки, именно благодаря цифровым связям. Современные технологии ... позволили легче возродить, казалось бы, "древнюю" практику» [Tett, 2021: 84].

Эти исследования создают достаточную методологическую базу для изучения практик дарообмена в современном обществе. Речь идет о применении методологии системного анализа для раскрытия практик дарообмена, лежащих в основе отдельных форм социального взаимодействия в современном обществе.

С этих позиций несомненный интерес представляет исследование зародившегося в начале XXI века посткроссинга – разновидности досуговой деятельности, суть которой сводится к обмену почтовыми открытками между случайными участниками.

Таким образом, целью настоящего исследования является выявление специфики практик дарообмена в современном обществе на примере посткроссинга. В рамках данной цели мы предпримем исследование практик посткроссинга, чтобы продемонстрировать их сущностную специфику как дарообмена.

Гипотезой настоящего исследования выступает следующее положение. Логика экономически ориентированных обменов – сделок предполагает получение итогового продукта в свою собственность. Здесь результат – получение собственности – господствует над процессом. В дарообмене итоговая вещь никогда не становится фиксированной собственностью. Как верно указывал М. Мосс, дарообмен состоит из трех частей: обязательства дарить, получать и, что особенно важно, отвечать взаимностью. Иногда происходит немедленная двусторонняя взаимность (люди обмениваются подарками). Но обычно взаимность откладывается, создавая социальный «долг», который имеет не исключительно двусторонний характер – ответа именно на этот подарок, но «обобщенный» – обязанность отдариться перед лицом социальной группы. В этом смысле ценен сам обмен, а не его результат, ибо именно обмен определяет статус человека в сообществе, а не его собственность. Последняя, наоборот, выключает человека из системы обменов и нивелирует его статус.

Таким образом, методология настоящего исследования предполагает, что реконструкция специфики социального взаимодействия индивидов и групп в рамках осуществления досуговой деятельности – посткроссинга – должна раскрывать три основных элемента практики дарообмена, выделенных М. Моссом: обязанности дарить, принимать и одаривать, а также превалирование обмена над обладанием. Кроме того, природа посткроссинга как дарообмена должна, согласно нашей гипотезе, категорично отличать его от экономически централизованных практик, целью которых выступает обладание собственностью. Применительно к исследуемой среде примером практик, в которых господствует результат, выступает коллекционирование – филокартия. Она основана на обладании вещью на праве собственности, что исключает её из обмена. Доказательство того, что посткроссинг есть практика дарообмена, предполагает четкое разграничение этих двух видов досуговой деятельности на принципах дарение - обладание.

Критические замечания М. Годелье в отношении теоретической конструкции Мосса в части, касающейся обязательного наличия в любом обществе необмениваемых констант, мы в данном случае можем оставить без внимания, предполагая, что при доказательстве природы посткроссинга как дарообмена таковые необмениваемые феномены могут обнаружиться и в нём, но это потребует уже дополнительного исследования.

Содержание исследования

Практика обмена открытками имеет более чем 150-летнюю историю, но в своём современном виде посткроссинг оформляется в 2005 году, когда начинает свою работу интернет-сайт postcrossing.com, разработанный специально для предоставления участникам проекта возможности получения случайного адреса любого зарегистрированного пользователя для отправления ему почтовой открытки. Позднее начинают появляться сайты с аналогичными алгоритмами, как в международном масштабе, так и предназначенные для локальных сообществ, например, кириллические российские сайты посткроссинга (postcrosser.ru; postcross.ru).

Отметим, что до 2005 года обмен открытки происходил либо между знакомыми друг другу адресатами – практика, крайне популярная в XX веке [Медяков, 2021], в том числе и в СССР, где праздничные объемы почтовых открыток превышали миллионы штук [Шабурова, 2021] либо предоставлялась возможность выбора случайного респондента, но опять же для двустороннего обмена. Принципиальное отличие современного посткроссинга от всех предыдущих форм культурных практик обращения с почтовыми открытками заключается в том, что действующий сегодня проект не предполагает взаимосвязи между двумя конкретными респондентами. Отправление открытки от одного к другому не требует обязательного обратного дарения от того, кто получил, тому, кто подарил. Проект предполагает дарение иному случайному человеку таким образом, что существование сообщества посткроссеров гарантируется системой совместных обязательств каждого члена проекта перед сообществом в целом.

В этом отношении посткроссинг в полной мере соответствует классической формуле дарообмена, предложенной М. Моссом: дарить, принимать дарение и отвечать даром.

Каждый посткроссер не может не посылать открытки. Отказ от отправления открытки автоматически исключает получение открытки, ибо адрес отправителя выступает только после регистрации его открытки получателем. Отказ от дарения означает исключение из социального пространства.

Каждый посткроссер не может не регистрировать полученные открытки. Регистрация открытки есть принятие дарения. Обратим внимание на кажущуюся возможность максимизации полученных открыток путём их выборочной регистрации, однако в случае большой разницы открыток, отправленных респонденту и «потерявшихся по дороге», алгоритм автоматически ограничивает выдачу новых адресов респонденту – понижает его статус в сообществе. Ниже мы ещё вернемся к вопросу обязательного принятия дарения и покажем, что оно работает даже и без санкций цифровых алгоритмов.

Каждый посткроссер не может не одаривать, получив дар, то есть не может поставить себя вне обязательств ответить взаимностью, диктуемых проектом. Посткроссер отправляет свою открытку не тому, от кого её получил, но новому случайному человеку. Этим он подчёркивает своё нахождение внутри социальной системы и связанность себя социальными правилами, созданными бескорыстным обменом.

Примечательно, что трехчастная логика дарения столь же эффективно продолжает действовать даже и вне собственно обменов на сайте. Как мы указывали ранее [Сальников, 2024] антироссийские санкции, повлекшие за собой значительные ограничения почтового сообщения, а также определённая политизация части международного посткроссинг-сообщества после начала СВО привели к росту локальных сообществ, развитию кириллического сайта посткроссинга и росту «прямых» обменов (то есть между конкретными пользователями). Однако и в этих своих формах именно трёхчастная формула дарообмена сохраняет свою действенность и продолжает поддерживать социальное целое.

М. Мосс обращает внимание – «то, чем обмениваются, состоит отнюдь не только из богатств, движимого и недвижимого имущества, из вещей, полезных в экономическом отношении. Это, прежде всего, знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств – лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора» [Мосс, 2011: 142]. Равным образом и в посткроссинге не происходит циркулирования собственно и исключительно самой открытки. Посткроссинг предполагает написание и/или оформление открытки. Это может быть либо дарение собственного творчества в виде художественного оформления оборота открытки, включающего использование сургучных печатей, специально сделанных «именных» штемпелей отправителя, наклеек, вырубки, специальных сортов бумаги, что в совокупности по стоимости может значительно превышать

собственную цену открытки, включая и почтовую оплату ее пересылки. Более того, посткроссеры отдают предпочтение художественным маркам перед стандартными, что также выступает проявлением дополнительного дара собственного времени и усилий, потраченных на покупку таких марок. Нередки случаи, когда посткроссеры увеличивают ценность оказываемого дара путём личного гашения открыток на почте специальными почтовыми штемпелями. Это вынуждает их посещать строго определённые почтовые отделения, ибо искомые штемпели, как правило, хранятся только на некоторых, преимущественно центральных почтовых отделениях. Подобная практика требует временных затрат, что и составляет добавочное содержание дара.

Иным способом увеличения дара по сравнению со стоимостью непосредственно самой открытки выступает её надписание текстом. Открытка посткроссера не должна остаться пустой, в противном случае значимость получаемого дара снижается. Текст предполагает дарение личной информации о себе, сообщение о прочитанных книгах, просмотренных фильмах, произошедших интересных историях. Всё, включая, казалось бы, малозначимые сообщения о погоде, становится даром отправителя получателю. Это дарение внутреннего, дарение сведений, дарение слова. В ряде случаев в своих аккаунтах посткроссеры даже оставляют пожелания того, чем бы они хотели быть одарены. Он предлагают рассказать о последней/любимой/запомнившейся книге, фильме, о привычках, предпочтениях в еде, домашних питомцев, способе проведения отпуска или каникул и прочем. Вся эта информация и есть дар, столь же, а по зрелому размышлению, и более ценный в силу своей личностной природы, чем дар материальный.

Примечательно, что в отдельных случаях обмен открытками происходит в конвертах, что предполагает, как правило, насыщение конвертов дополнительными «подарочками». В качестве таковых могут выступать уже упоминавшиеся наклейки, вырубка, гашённые художественные марки, а иногда даже и негашёные, но малых номиналов, чайные пакетики, талончики оплаты проезда в городском транспорте. Всё это тоже представляет собой дар, однако пересылка открыток в конвертах гораздо менее распространена, чем это могло бы показаться правильным с точки зрения здравого смысла. Действительно, для сохранности пересылки, повышения уровня конфиденциальности и максимизации даров конверт представляет собой более удобную форму, чем простая пересылка открытки. Однако же он используется редко.

Как представляется, объяснением этого с позиций практикуемого дарообмена становится снижение ценности самой даримой открытки. Конверт предоставляет открытку и дары. Открытка и дар в этом случае разрываются. Не ценность открытки как дара повышается теми дополнительными элементами (правильнее будет сказать – основными), на которые указывает Мосс (дарение внимания, усилий, времени, личной информации, и прочего), но открытка становится одним из элементов общего подарка в конверте. Открытке возвращается всего лишь ее личная экономическая стоимость. Именно в силу

этого посткроссеры в своём подавляющем количестве предпочитают открытку «без конверта» как более ценный дар.

Вернёмся к раскрытию специфики ответных дарений, которые, как указывает Мосс, «осуществляются преимущественно в добровольной форме <...> хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба». Несколько ниже исследователь указывает, что ответное дарение «обязывает в полученном «обменном» подарке именно то, что принятая вещь не инертна. Даже оставленная дарителем, она сохраняет в себе что-то от него самого» [Мосс, 2011: 158].

Есть все основания полагать, что данное замечание вполне применимо к посткроссингу. Действительно, в ситуации значительной анонимности участников обмена, их территориальной удалённости друг от друга и неопределённости, высокой степени рисковости способа пересылки открыток невозможно представить, что механизм общественного порицания будет являться действенным средством. Сдерживающим членов сообщества от банального хищения открытки без всякого ответного дара. Тем более что доказать «противоправность» действий получателя, его корыстный умысел, аморальность в масштабах сообщества не представляется возможным. Для этого не существует ни подходящих площадок, ни убедительной системы доказательств, способной разрушить простые аргументы, типа «а ты сама не отправляла» или «я отправила, но почта потеряла». По сути, отказ от дальнейшего обмена конкретного отправителя с конкретным получателем выступает единственно доступной санкцией за нарушение правил, что в ситуации множественности анонимных обменов не является значимым механизмом сдерживания.

Что касается аналогичной ситуации при случайных обменах с использованием специализированного сайта, как международного, так и российского, то на нём ответное отправление открыток является, как мы упоминали, обязательным в силу цифрового алгоритма. Адрес пользователя просто не будет выпадать другим участникам до той поры, пока его открытки не дойдут. Однако же никто не может препятствовать отправителю слать самые дешёвые открытки, заранее задавая неравноценность обмена. Вместе с тем такого не происходит, за крайне редким и непродолжительным исключением. Представляется, что причиной этому является именно природа посткроссинга как дарообмена. Участники получают удовольствие именно от дарообмена. Простое накопительство, обладание не могут принести участникам удовольствия, что приводит их к выпадению из проекта. Открытка есть именно дар, заключающий в себя часть владельца, что приводит к довлеющей обязанности отправить ответный дар.

Отметим факт, кажущийся парадоксальным вне логики дарообмена – нельзя быть посткроссером вне практик обмена. Описывая свой жизненный путь, посткроссеры нередко говорят фразы, типа «я ушла из посткроссинга, я вернулась в посткроссинг». При этом собственно полученные открытки остались с человеком. С позиции филокартии, коллекционер оставался коллекционером.

Обладание – коллекция – открытки, находящиеся в собственности, определяют его статус. Коллекционер остается коллекционером, когда даже не покупает новые экспонаты. Его статус определяется имеющейся собственностью, наличием коллекции. Статус посткроссера не сводится к обладанию открытками. Нет обмена, нет статуса.

Примечательно и различие в процедуре проведения встреч посткроссеров и коллекционеров, скажем, филокартистов или филателистов. Филателистические встречи обязательно предполагают демонстрацию своих коллекций, вернее, их части, предлагаемой к обмену или продаже, а в значительном количестве случаев ограничивающихся просто её демонстрацией. Здесь вполне действует логика обладать, значит видеть, описанная Ю.Г. Писаренко [Писаренко, 2015].

Посткроссеры никогда на своих встречах не демонстрируют свои коллекции. Встречи посткроссеров – это совместное подписание, оформление встречных открыток. Здесь показателем выступает количество обменов, но никто никогда не хвастается теми открытками, которые он выменял. Напротив, нередки ситуации, когда посткроссер говорит о том, что к нему обратилось столько человек с обменами, что он уже боится кого-то забыть. То есть значимым выступает сам обмен, а не то, на что обмениваются. Чем выше количество обменов, тем выше статус самого посткроссера. Если даже обменов немного, то можно добрать социального капитала путём определённых манипуляций, например, вызвать все подписанные на встрече открытки проштамповать на почтовом отделении и отправить. Через эти операции посткроссер ритуально прикасается ко всем обменам. Не обладая ни одной открыткой, он становится причастен ко всем обменам.

В целях экспериментального эмпирического подтверждения приведённых выше положений о природе посткроссинга как дарообмена проведем небольшое исследование. В последние годы в российском посткроссинге приобрели популярность так называемые серийные открытки. Суть их заключается в единой сюжетной линии серии открыток, которые предназначены для участников встреч в различных городах. Таковыми, например, являлись серии «Грибы России», «Флора России», и так далее. В объявлении о встрече открываются комментарии, в которых можно найти обмен на встречную открытку.

С точки зрения коллекции, суть серийной открытки заключается в стремлении собрать всю серию открыток, подписанных в городах-участниках. Целерациональное поведение, ориентированное на формирование коллекции, то есть получения всей серии в собственность диктует здесь в качестве наиболее правильного варианта посткроссеру в городе-участнике закупку минимум $n+1$ количества открыток и обмен своей встречной открытки на встречные всех других городов в комментариях под встречей. Логично брать столько открыток своей встречи, сколько ты хочешь получить и обменивать на встречные других городов.

В качестве эмпирической базы нами была выбрана делящаяся на момент написания статьи (октябрь 2024 – январь 2025 года) серия «Местное гостеприимство», где на фоне достопримечательности определённого города-участника серии «Кот ел то или иное блюдо». Всего в серии участвовало 30 городов, кроме того была выпущена лимитированная открытка от организаторов и постер с изображением всех открыток. Таким образом, рациональная модель экономического обмена требовала бы в этом случае минимального заказа в 33 или 31 (если участник не воспринимал лимитированную открытку и постер как часть серии) открытку.

Имеющиеся данные по орловскому сообществу посткроссеров демонстрируют, что из 21 человека, которые приняли участие в проекте путём закупки различного количества открыток только 7 человек (33%) превысили рациональный порог в 31 открытку. Остальные участники заказывали меньшее количество открыток, что говорит о том, что серию они собирать не планировали, но хотели участвовать в обменах.

Более того, анализ обменных постов под открытками данной серии в других городах также вызывает сомнения в рациональной логике их участников. Так, в обмене в Балашихе из 152 обменных постов только в 36 фигурировал обмен на открытку с другой встречи (24%), в Вологде из 188 – 37 (20%), в Зеленограде из 161 – 31 (19%), в Ульяновске из 99 – 32 (32%), в Анапе 263-50 (19%), в Чебоксарах 197-65 (33%)⁶. Таким образом, стремление поменять свою встречную на чужую и значит гарантированно собрать полную серию демонстрировали от 19% до 33% участников. Остальные менялись на случайно найденные открытки. Как мы видим, не менее двух третей участников исследуемой обменной серии менялись не ради формирования полной коллекции, а ради случайных обменов. При этом стоит отметить, что в подобных обменах нередко случаи, когда при отсутствии требуемой открытки участники соглашались произвести обмен на абсолютно иную открытку по формуле «Если тебе эта открытка очень понравилась, то я согласна поменять ее на что-то другое».

Приводимые данные, на наш взгляд, выступают эмпирическим подтверждением того, что в посткроссинге обмены как таковые имеют гораздо более высокую ценность относительно тому, чем обмениваются. Именно такой подход полностью соответствует логике дарообмена. Посткроссинг как дарение существует только в процессе постоянного дарообмена: дарить, быть одариваемым и отвечать взаимностью.

Результаты

Подводя основные итоги, следует сказать, что в настоящем исследовании мы исходили из выдвинутого М. Годелье положения о том, что в условиях господствующего капиталистического образа производства, где социальность оказывается временным и иллюзорным продуктом экономической сделки, должны наличествовать практики дарообмена, «которые не являются этикой и

⁶ Подсчитано автором на основе данных тематической группы социальной сети VK https://vk.com/album-223115797_302840185

логикой рынка и выгоды и которые даже противостоят им, сопротивляются им» [Годелье, 2007: 253].

Ранее исследователи в качестве таких практик приводили практики торрент-раздачи информации, бартерных обменов в цифровой среде. Мы сконцентрировались на посткроссинге как особой форме досуговой деятельности, основанной на обмене почтовыми открытками между случайными пользователями. В ходе исследования нам удалось доказать, что посткроссинг являет собой пример специфичной практики дарообмена в современном обществе. Его участники сохраняют свое социальное пространство путем дарения, принятия подарка и взаимного одаривания. Сообщество существует не в целевой логике приобретения вещи в собственность, а в логике абсолютной ценности самого обмена. Значимость обмена многократно превышает значимость того, чем обмениваются. Более того, зачастую стоимость дара повышается путем наложения трудовых усилий по оформлению и украшению даруемого, предоставления доступа к личной информации, дарения сведений, рекомендаций, предпочтений и так далее.

Доказательство того положения, что природой кроссинг-практик является дарообмен имеет далеко идущие последствия. В условиях тотальности капиталистического способа производства мы видим появление и рост популярности практик, основанных на дарообмене (торрент, посткроссинг и др.). Это говорит о том, что капиталистический образ формирования социального отнюдь не единственно реальный вариант жизни в современном мире.

Список литературы

Боас, 2023 – *Боас Ф.* Раса, язык и культура. М.: Альма Матер, 2023.

Бодрийяр, 2000 – *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», 2000. 390 с.

Годелье, 2007 – *Годелье М.* Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007. 295 с.

Малиновский, 2004 – *Малиновский Б.* Избранное. Аргонавты западной части Тихого океана. М.: Росспэн, 2004. 552 с.

Медяков, 2021 – *Медяков А. С.* Война формата 9x14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914 – 1918 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. Университет Дмитрия Пожарского, 2021. 464 с.

Михайленко, 2013 – *Михайленко С. Б.* Социально-философское прочтение обычая «потлача» (на основе работ Ги Дебора) // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2013. № 2. С. 69-73.

Мосс, 2011 – *Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. С. 134-285.

О Даре, 2001 – О Даре: дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // Логос, 2001, № 3 (82). С. 144-171.

Писаренко, 2015 – *Писаренко Ю. Г.* Дарообмен как модель бытия архаического общества // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія.* 2015. № 1 (45). С. 49-55.

Прозументик, 2018 – *Прозументик К. В.* Дореалогия: истоки и становление философии дара // *Философия и культура.* 2018. № 7. С. 51-58. С. 58.

Сальников, Сальникова, 2024 – *Сальников Е. В., Сальникова И. Н.* Досуговые сообщества в условиях специальной военной операции (на примере посткроссинга) // *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии).* 2024. № 1 (27).

Уракова, 2013 – *Уракова А.* Семинары РАШ в рамках проекта «Антропология дара» // *Труды Русской антропологической школы.* 2013. № 12. С. 176-180.

Шабурова, 2021 – *Шабурова О. В.* Советский мир в открытке. М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2021. 328 с.

God, 1999 – *God, the Gift, and Postmodernism / Eds. John D. Caputo and Michael J. Scanlon.* Indiana University Press, 1999;

Tett, 2021 – *Tett G.* Anthro Vision. How Anthropology Can Explain Buisness and Life. NY, Ballantine Books, 2021.

The Logic, 1997 – *The Logic of the Gift: Towards an Ethics of Generosity / Ed. Alan D. Schrift.* Routledge, 1997;

The Question, 2002 – *The Question of the Gift: Essays Across Disciplines / Ed. Mark Osteen.* Routledge, 2002.

УДК 130.3

Курабцев В. Л.,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и менеджмента
факультета государственного и муниципального управления,
Московский социально-педагогический институт (МСПИ)*

Нюансы метафизики Духовной цивилизации

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-162-176

*В статье исследуется специфика Духовной цивилизации в сравнении с рассудочной и индивидуалистической Западной цивилизацией. Предпринимается попытка выявить эзотерический смысл либеральных основ Запада – *liberté, égalité, fraternité.**

Особое внимание уделяется нюансам метафизики России-цивилизации. Через нюансы проходит поиск «другой Мысли» и «другой формулы» Духовной цивилизации. Негативно оценивается намерение сделать из России «второе издание» Европы. Аргументируется невозможность предоставить грешного